

Шевченко Ольга Геннадьевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В статье рассматриваются проблемы интерпретации английской модальности в русских переводах. В этой связи предлагается анализ некоторых случаев изменения способов передачи модальности и влияния этих изменений на прагматические отношения. Автор обосновывает положение о том, что средства выражения модальности в разных языках оказываются разными, и переводчик, преодолевая структурные и семантические трудности, нередко нарушает прагматический потенциал языковых единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 201-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Гарин И. И.** Многоликий Достоевский. М.: Терра, 1997. 395 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 5. 542 с.
3. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 6. 367 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 7. 319 с.
5. **Левина Л. А.** Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века. М.: Классика плюс, 1996. С. 343-368.
6. **Мурашова О. А.** Тема греха и наказания, или «Психологический отчет одного преступления» // Литература в школе. 2006. № 9. С. 18-21.
7. **Назирова Р. Г.** Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 115-120.
8. **Яценский С. Ю.** Искусство психологического анализа в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 156-187.

**THE SPECIFICITY OF NEGATIVE EMOTIONS DEVELOPMENT
OF SONYA MARMELODOVA AND NASTASSYA FILIPPOVNA BARASHKOV (BY THE MATERIAL
OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS "CRIME AND PUNISHMENT" AND "THE IDIOT")**

Shakhnazaryan Narine Onikovna

*Saratov State University
narinka-87o@mail.ru*

In the article the peculiarities of negative emotions development of Nastassya Filippovna Barashkov and Sonya Marmeladova are considered, the basic vocabulary of the system "negative emotion" with account of the author's ideas is identified. The basic vocabulary of the system consists of verbal synonymic rows (suffer, be tormented, torture, be melancholy) and the derived nouns and adjectives (suffering, sufferer, full of suffering; torment, tormented person; melancholy (n), melancholy (adj)). The goal of the research is to show the interaction of linguistics and study of literature in the literary text language.

Key words and phrases: negative emotion; state; suffering; basic vocabulary; words-metaphors; suppression of emotion.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются проблемы интерпретации английской модальности в русских переводах. В этой связи предлагается анализ некоторых случаев изменения способов передачи модальности и влияния этих изменений на прагматические отношения. Автор обосновывает положение о том, что средства выражения модальности в разных языках оказываются разными, и переводчик, преодолевая структурные и семантические трудности, нередко нарушает прагматический потенциал языковых единиц.

Ключевые слова и фразы: модальность; перевод; прагматические отношения; художественный текст; эквивалентность.

Шевченко Ольга Геннадьевна, к. филос. н.

Новосибирский государственный технический университет

olga-ivleva@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ[©]

Процессы глобализации, сближения национальных культур разных стран неизбежно влекут за собой некоторые проблемы, связанные с необходимостью сохранения национально-культурного контекста: менталитета, способов познания, образа мира представителями разных культур. В этой связи особую актуальность приобретает точность смыслового перевода текстов с одного языка на другой в процессе межкультурных коммуникаций.

Существует мнение, что между текстом оригинала (ТО) и текстом перевода (ТП) не может быть эквивалентных отношений из-за различий в конвенциях текстов определенных жанров, принятых в разных культурах [14]. В связи с этим, актуальным представляется вопрос о том, возможно ли извлечь из ТП такой же объем информации, как и из ТО?

Особенно актуальным этот вопрос становится, когда необходимо передать модальность. В языке нет другой лексико-грамматической категории, которая бы вызывала столько трудностей у переводчика, как категория модальности. А в переводе художественного текста не может быть комментария без обращения к этой категории.

В чем причина этих трудностей? Во-первых, в том, что нет однозначного определения категории модальности. Во-вторых, трудно найти единицы перевода модальности. В-третьих, модальные глаголы обрабатывают коннотативными значениями под воздействием речевой ситуации и обстановки. Переводчику трудно их вскрыть и найти средство перевода.

В данной статье мы постараемся показать, что неправильная интерпретация модальности может привести к информационным сбоям и, следовательно, к проблемам в восприятии текста. Целью исследования является анализ некоторых случаев изменения способов передачи модальности и влияние этих изменений на прагматические отношения.

Автор ТО пропускает действительность через свой сугубо индивидуальный, психологический, эмоциональный мир, т.е. фрагмент окружающего мира предстает в тексте сквозь призму человеческого сознания. Эта авторская ориентация на «пропущенность» реальности через сознание индивидуума, отраженная в наборе разноуровневых языковых средств, известна как категория перцептуальности [4, с. 148].

В случае неправильной интерпретации высказывания, а именно приписывания сообщению не той модальности, что была заложена автором в коммуникативном акте, возникают информационные сбои. Категория модальности тесно связана с категорией перцептуальности.

Вопрос о единицах модальности неоднозначен, как и сама эта категория. Во всех философских словарях упоминается перечисление трех модальных категорий – действительное, возможное, необходимое. Модальность в лингвистике относится к той категории, которая воспринимается очень неоднозначно. Это свидетельствует о сложности объекта, трудности его описания. Ограничение и дифференциация понятия модальности продолжает оставаться актуальной задачей.

Модальность изучается как комплексная и многоаспектная категория, связанная с категориями прагматического уровня. В связи с ней в рамках интерпретации высказывания Лангакер, например, рассматривает и такие понятия, как «референциальная точка», «ориентация», «преимущественная позиция» [15]. Субъективность и перспективизация в настоящее время считаются основными составляющими когнитивной лингвистики, также имеют отношение и к рассматриваемой нами категории [17]. В. С. Юрченко определяет модальность как идущую от человека субъективность, выполняющую неэнтропийную функцию – преодолевать изначальный языковой хаос [12, с. 34]. Кроме этого, она играет большую роль в выражении скрытого содержания высказывания.

В ходе лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» значительно расширились. В концепциях разных исследователей объем данного понятия и охват им языковых явлений часто не совпадает. С точки зрения А. В. Бондарко, характеристика модальности как устанавливаемого говорящим отношения содержания высказывания (его пропозитивной основы) к действительности весьма неопределенно и требует уточнений [2, с. 58]. Однако какими бы разноплановыми не были классификации, большинство из них подразделяет модальность на объективную и субъективную.

Объективная модальность отражает характер объективных связей, на которые направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Субъективная модальность – это оценка со стороны говорящего лица степени познания этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки, включающее не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной оценки. Субъективная модальность имеет языковые ресурсы, стремящиеся к бесконечности.

Однако есть мнение, что в художественном тексте нецелесообразно подразделять модальность на объективную и субъективную. Лучшим термином для выражения позиции автора, по мнению М. Г. Агаджановой, является авторская модальность [1]. Несмотря на это, в большинстве исследований такие вещи, как оценка достоверности информации, отношение автора к действительности, выражение эмоций описывается в рамках субъективной модальности.

В истории перевода неоднократные попытки определить единицы субъективной модальности заставляли переводчиков описывать этот феномен посредством похожих явлений (возвращаемся к терминам Лангакера). В этой связи интересно исследование В. В. Овсянникова [10], предпринявшего попытку проанализировать различные подходы к переводу, связанные с передачей «точки зрения» как синонима субъективной модальности.

Первый подход связан с идеями Арсена Дамстетера [Там же]. Переводчик вынужден при переводе менять «точку зрения» (субъективную модальность), поскольку чисто механических преобразований с одного языка на другой сделать невозможно, а нужно учитывать экстралингвистические факторы.

Второй подход (под влиянием идей В. Гумбольдта) о том, что переводчику приходится выбирать между интенциями автора ТО или менять текст, подстраиваясь под получателя другой культуры, нашел широкое отражение в современном переводоведении. Требованием современной науки о переводе является двунаправленная ориентация переводчика: на концептуальную программу автора ТО и на приемлемость ТП в принимающей культуре [8, с. 76]. Только в этом случае переводчик добьется коммуникативной эквивалентности. Однако перевес происходит в сторону приемлемости текста в принимающей культуре, поскольку сохранение сигнификативной и денотативной информации может привести к нежелательным коннотациям, а значит, произойдет изменение прагматических установок автора ТО. Адаптируя текст к новой коммуникативной ситуации, переводчику приходится менять семантическую субструктуру высказывания.

В связи с этим, воспользовавшись уровневой классификацией эквивалентности В. Н. Комиссарова [6], переводчик сможет добиться только первого уровня эквивалентности, передав цель коммуникации, значительно изменив семантическую и синтаксическую структуры.

Существуют и другие подходы к переводу «точки зрения», а именно положение о том, что не прагматика определяет перевод текста, а заказчик (Г. Фермеер, К. Райс) [10].

Таким образом, неоднозначность термина «модальность» приводит к тому, что вопрос об истине в определении единиц перевода остается нерешенным.

Как показывает практика, исследователи пользуются разными единицами модальности при переводе. Я. И. Рецкер [11] демонстрирует перевод модальности на модальных глаголах. В своих трудах он упоминает мнение Роберта Саути о том, что модальные глаголы придают языку такую силу, которая была недостижима для древних языков при всем богатстве их флексий, наклонений и времен. Но языки отличаются не только качественным аспектом узуса, но и количественным. Процент употребления модальных глаголов в английском языке во многом превосходит употребление их в русском языке. Несовпадение средств выражения модальности в английском и русском языках – причина ошибочного и неточного раскрытия модальности в переводе. Несовпадение средств выражения модальности дает переводчику право заменять единицы модальности и делает эту замену неизбежной.

В. В. Овсянников [10] приходит к мнению, что перевод субъективной модальности («точки зрения») демонстрируется на самых частотных единицах языка. Такими единицами являются глаголы *h ve* (иметь, понимать, получить, испытывать), *get* (получить, добывать), *to be* (делать, создавать, порождать, составлять). Эти слова вместе с предметами материального мира определяют модальность языка. Впрочем, В. В. Овсянников поддерживает Я. И. Рецкера в том, что универсальными единицами для перевода модальности будут модальные глаголы. Они способны передать тончайшие эмоциональные нюансы высказывания.

Языковые единицы способны порождать ассоциации и коннотативные значения, образуя скрытую информацию. После определения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации необходимо раскрыть все те смыслы, произведенные многочисленными контекстами. Адресат определяет, что осталось за границами выраженного, сопоставляя имплицитную информацию с эксплицитной.

Язык вступает во взаимодействие с факторами, имеющими экстралингвистическую природу, и они приобретают приоритет над языком. Поэтому проблема учета прагматического потенциала языковых единиц (актуализация в речи не только категориальных значений, присущих языковым единицам, но и тех вещей, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой) [5, с. 62] при переводе играет ключевую роль и является актуальным вопросом исследования. При переводе текста все стратегии и тактики переводчика направлены на раскрытие прагматического содержания, т.к. перевода нет вообще вне коммуникативного акта.

Выяснив общий фонд знаний автора ТУ, особенности его мышления, психологического состояния, можно раскрыть прагматический потенциал языковых единиц. Отмечается, что представители одной культуры обладают коллективно-субъектным сознанием, которое способствует порождению одинаковых ассоциаций. Переводчику необходимо вызвать похожие ассоциации у представителей другой культуры. Переводчик обязан отражать уровень коллективно-субъектного отношения говорящего, который заложен в оригинале, при этом соответствовать культуре языка перевода. Необходимо обладать навыком прогнозирования возможного прагматического эффекта у получателей ТП.

Основная сложность при переводе модальных глаголов заключается в их полифункциональности. Далеко не всегда можно отразить в переводе ту дополнительную экспрессивную нагрузку, которую несет модальный глагол под воздействием обстановки и речевой ситуации, т.к. экспрессивное значение никак нельзя подвести под определенные нормы. В случае, когда модальность не получает выражения в языке перевода, нельзя сказать, что она не выражена, она имплицитна (подразумеваема).

Недооценка важности изучения интерпретации этой категории отмечается в современных исследованиях по переводу. Вместе с тем тенденция не учитывать различия в национальной ментальности, в культурных предпочтениях, в ценностях и в структуре языка может привести к коммуникативным сбоям.

Несомненно, что в практике перевода были сделаны попытки систематизировать способы перевода модальности. С. Кранич [14, с. 36] предлагает несколько вариантов перевода модальных значений: нулевой перевод (*zero translation*), модальный глагол – эквивалент, модальное прилагательное, наречие или частица, сочетание модального глагола и модального элемента и творческий перевод (*creative translation*), когда модальное значение передается какими-то другими средствами.

Однако проанализированный нами материал позволяет говорить, что при переводе с английского языка на русский самым распространенным способом перевода модальных глаголов является их опущение. Но, как правило, стилистическая доминанта обозначена другими средствами, которые компенсируют такое опущение: (пример (1), (2)).

(1) A: *Whenever he looked at her she turned upon him such a frank, unsophisticated gaze, and smiled in such a vague, sweet way, that he could not keep his eyes of her for more than a minute of the time* [13, p. 29]. /

P: Всякий раз, как сенатор смотрел на нее, он встречал такой простодушный, невинный взгляд, такую чудесную улыбку, что ему трудно было отвести от нее глаза [3, с. 16].

Опущение модального глагола компенсируется модуляцией, смысловым развитием. Логическим продолжением «не мог отвести глаза», является присутствующее здесь имплицитно: «трудно было отвести от нее глаза». Предпочтение, которое отдается модуляции вместо формального эквивалента, объясняется стремлением сделать перевод естественным с позиций стилистических норм.

(2) A: *At half-past five the housekeeper, remembering them, came and told them that they might go* [13, p. 25]. /

P: В половине шестого старшая горничная, вспомнив о них, пришла их отпустить [3, с. 27].

Снова опущение модального глагола в переводе говорит о стремлении переводчика использовать разговорную идиоматику принимающей культуры.

Однако не всегда опущение модального глагола в переводе раскрывает импликацию сообщения и стремление использовать идиоматику своей культуры. Очень часто недооценка роли модального глагола в качестве семантического довеска (термин А. Н. Мнацаканьян) [9] к предикатной лексике приводит к изменению прагматики текста (примеры (3), (4), (5)).

(3) A: *She could only think that all this was very fascinating, and wish that a portion of it might come to her* [13, p. 25]. /

Р: Девушка могла думать только о том, как заманчиво всё вокруг, и ей хотелось, чтобы и на ее долю выпало немного этого блеска и веселья [3, с. 28].

Русский перевод отстает от оригинала опущением соответствующего глагола, подразумевающего большую неопределенность действия или маленькую вероятность возможности действия – *might*. Вместе с тем пропадает указание на слабую уверенность говорящего в возможности осуществления действия. Автор описывает девушку из очень бедной семьи, для которой возможность заманчивого богатого мира практически кажется невозможной.

(4) A: *He watched the easy walk of the other in front of him, and for the first time realized that his walk was different from that of other men. He experienced a momentary pang of shame that he should walk so uncouthly* [16, p. 17].

Р: Он взглянул на своего уверенно шагающего спутника и впервые в жизни подумал о том, как неуклюжа его собственная походка и как она отличается от походки других людей. На мгновение его обожгло стыдом от этой мысли [7, с. 258].

Глагол *should* с инфинитивом в придаточной части делает высказывание более эмоциональным и позволяет показать личное отношение автора к фактам действительности. В данном случае, второе предложение истолковывается переводчиком как повторение мысли первого, однако, модальный глагол *should* обозначает негодование автора этих строк по поводу своей походки. Нейтрализация стилистического нарастания во второй реплике является едва ли оправданной, поскольку в языке перевода можно найти средства, способные передать это эмоциональное состояние. Иерархия модальных средств в разных языках может быть разной, но нет непередаваемых в переводе комбинаций модальных отношений.

(5) A: *...her heart might be lonely but her lips continue to sing* [13, p. 31]. /

Р: Ей случалось втайне грустить, но все же она пела свои песенки [3, с. 35].

Модальный глагол *might* актуализирует в данном случае идею предположения, подразумевающую неуверенность: автор не исключает, что девушка была одинока, но не показывала это. В переводе же получилось, что вместо изображения душевного, психологического состояния героя (возможно, что это состояние определяет характер и стиль жизни девушки), переводчик перенастраивает реципиента на изображение ее эпизодических настроений.

Такие небольшие потери информации, тем не менее, помогают осознать, что оценочная структура (субъективная модальность) в переводе не совсем адекватно передает замысел автора.

В настоящей статье мы обозначили лишь некоторые проблемы прагматического плана, возникающие в случае недооценки интерпретации модальности. В дальнейшем, необходимо систематизировать случаи закономерного и оправданного изменения средств выражения модальности при переводе.

Вследствие несовпадения количественного и качественного аспекта узуса языков, средства выражения модальности оказываются разными. Однако модальные глаголы (как основные средства выражения модальности в английском языке) способны выражать тончайшие оттенки эмоционального состояния героев. Контекстуальные приращения смысла у единиц выражения модальности носят характер стилистической импликации. И этот факт не позволяет представить модальность в виде четких логических схем. Всё это создает трудности при переводе. Кроме того, переводчик, преодолевая структурные и семантические трудности, нарушает прагматический потенциал языковых единиц.

Оценочная структура сообщения в переводе не вполне точно передает замысел автора. Отмеченные случаи опущения модального глагола говорят не о том, что в языке перевода нет таких же средств передачи, а скорее, о стремлении переводчика быть ближе к принимающей культуре.

Список литературы

1. Агаджанова М. Г. Образ автора как семантическая составляющая художественного текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1997. 23 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики (Темпоральность. Модальность). Л.: Наука; Ленинград. отд., 1990. 263 с.
3. Драйзер Т. Дженни Герхардт / пер. с англ. М.: Юрид. лит., 1981. 264 с.
4. Емельянова Е. В. Неопределенный артикль и авторская модальность в художественном тексте // Зеленщиков А. В. и др. Диалектика текста: в 2-х т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. Т. 2. С. 146-176.
5. Карповская Н. В. К вопросу о роли прагматического потенциала языковых единиц в процессе перевода // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 2. С. 61-69.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Лондон Дж. Соч.: в 7-ми т. М.: Худ. лит-ры, 1955. Т. 5. 694 с.

8. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода / пер. с исп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
9. Мнацаканьян А. Н. Особенности английской модальности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1265941/> (дата обращения: 03.06.2014).
10. Овсянников В. В. Английские модальные глаголы как переводческая проблема // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство): у 5 ч. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. Вип. 89 (1). С. 83-86.
11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
12. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки. Изд-е 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 368 с.
13. Dreiser T. Jennie Gerhardt. M.: Progress Publishers, 1972. 357 p.
14. Kranich S. Epistemic Modality in English Popular Scientific Texts and Their German Translations [Электронный ресурс]. URL: http://www.trans-kom.eu/bd02nr01/trans-kom_02_01_02_Kranich_Epistemic_Modality.20090721.pdf (дата обращения: 05.06.2014).
15. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. 458 p.
16. London J. Marten Eden. M.: Foreign Languages Publishing House, 1954. 433 p.
17. Sanders J., Spooner W. Perspective, Subjectivity, and Modality from a Cognitive Linguistic Point of View // Discourse and Perspective in Cognitive Linguistic / ed. by W.-A. Liebert, G. Redeker, L. Waugh. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1997. P. 85-112.

INTERPRETATION OF ENGLISH MODALITY IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Shevchenko Ol'ga Gennad'evna, Ph. D. in Philosophy
Novosibirsk State Technical University
olga-ivleva@yandex.ru

In the article the issues of interpretation of English modality in Russian translations are considered. In this connection, the analysis of certain cases of change of the ways of modality transfer and influence of these changes on pragmatic relations is suggested. The author grounds the proposition that means of modality expression in different languages are various and a translator in the process of overcoming structural and semantic difficulties often breaks the pragmatic potential of linguistic units.

Key words and phrases: modality; translation; pragmatic relations; художественный текст; equivalence.

УДК 37

Педагогические науки

В статье рассматривается проблема взаимодействия языков в регионах, где проживают представители нескольких национальностей. В ее основу положены данные исследования языковых предпочтений детей – потенциальных билингвов, проживающих на территории одного из районов Астраханской области. Анализируются причины различных соотношений в использовании двух языков.

Ключевые слова и фразы: билингвы; родной язык; неродной язык; коммуникативная мощность языка.

Щеглова Инна Владимировна, к. филол. н.
Астраханский государственный технический университет
isheglova@yahoo.com

ПОЧЕМУ ДЕТИ – ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ БИЛИНГВЫ НЕ ГОВОРЯТ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ?©

Статья основана на данных проводимого автором исследования в области лингвокоммуникативистики – науки, изучающей теоретические основы и практические аспекты социального взаимодействия в различных пространствах коммуникации, на стыке с социолингвистикой, лингворегионалистикой, возрастной лингвистикой, этнолингвистикой, психолингвистикой, прагмалингвистикой, лингвистикой эмоций. Мы разделяем точку зрения М. А. Василика, согласно которой научный потенциал лингвокоммуникативистики может быть реализован наилучшим образом и наиболее эффективно не в виде мультидисциплинарных коммуникативных теорий, а на основе диалектического единства, взаимопроникновения и дополнения лингвокоммуникативистики и мультидисциплинарных коммуникативных теорий [1, с. 6]. Предметом исследования является проблема билингвизма в многонациональном, но монолингвальном Астраханском регионе. Мы рассматриваем казахско-русский, татарско-русский, русско-казахский и русско-татарский типы двуязычия. Исследование, как нам представляется, позволит выявить современную языковую ситуацию в Астраханской области, а именно особенности функционирования казахского и татарского языков на данной территории.

В рамках данной статьи представляется интересным описать коммуникативные предпочтения детей дошкольного и младшего школьного возраста – потенциальных носителей татарско-русского двуязычия, кроме